

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ

ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2025 – 2026 уч. г.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

Время выполнения – 4,5 астрономических часа (270 минут)

10 КЛАСС

Максимальное количество баллов за задания – 100 баллов.

Задание № 1.

60 баллов

Выберите для аналитической работы прозаический ИЛИ стихотворный текст. Произведите его анализ в соответствии с предложенными направлениями рассуждения и изложите содержание в прозаической письменной форме. Работа должна представлять собой цельный, связный, грамотный, композиционно завершённый текст. Рекомендуемый объём – 350–450 слов.

Вариант 1. Прозаический текст.

Прочитайте рассказ русского писателя *Николая Телешова* (1867 – 1957) и выполните его целостный анализ с опорой на указанные художественные особенности произведения:

- Специфика художественного пространства и времени в рассказе: «тысячи верст» пути, речная переправа, берега реки и «упраздненное кладбище» на берегу реки; динамика пространства и динамика персонажей;
- Композиция персонажей: рассказчик и его спутники, место перевозчика Еремея в композиции персонажей; «философия» Еремея и динамика образа б старик-хлопотун и мечтатель
- Ироническая трактовка мифологемы «хлеб-соль» в рассказе.

Николай Телешов

Хлеб-соль

Я ехал на «дружках» — то в мягкой плетенке, набитой сеном, то в громоздком тарантасе, то в короткой и узкой кибитке.

Дружками в Сибири называются вольные ямщики, которые, провезя верст в двадцать станцию, или по-тамошнему — станок, передают вас другому товарищу, а тот третьему, третий четвертому, — и так вы можете проехать тысячи верст, не заботясь, не торгуясь и не чувствуя никаких неудобств против почты. Такая передача путника из рук в руки называется «веревочкой», и всякий ямщик держится строго этой веревочки, не задерживая проезжего в лошадях. В ямщики дается обыкновенно работник; иногда это старый ворчун, суетливый и сердитый, у которого все не ладится: лошади бегут тяжело, кричит он на них охрипшим голосом и проклиная их всю дорогу; а то попадется бойкий здоровый парень, — и лошади у него бегут бойко и весело, и посвистывает он на них весело и легко, точно шутит.

— Но! Но!.. Но, родные! — покрикивает он, взмахивая без угрозы кнутом и руками. — Знаешь, кого везешь? — спрашивает он коней, имея в виду самого себя, и с удовольствием сам же за них отвечает: — Трофим Петрович едет! — и, гикнув, добавляет уже в полном восхищении:

— Рукавишников!..

И лошади, точно тоже обрадовавшись, что ими правит Трофим Рукавишников, несутся вскачь, развевая по ветру хвосты и гривы, а ямщик, не трогая их кнутом, ликует да покрикивает:

— Эх-ма!.. Милые!..

Желая выгадать чуть не полсотни верст, я свернул с почтового тракта и уже с утра ехал на дружках по проселку. Часы летели за часами; сменялись лошади и ямщики, сменялись и окрестные картины.

Уже близилось к вечеру, когда перед нами засверкала широкая, большая река.

— Тррр! Тпру! — закричал ямщик, осаживая коней. Он соскочил с повозки и, приложив ко лбу руку, чтобы не мешало солнце, поглядел вдаль и разочарованно добавил, точно про себя.

— Ах-те, пес-те заешь: не попали!

— Куда не попали?

— Да перевозу нет. Эн он — на той стороне.

— Так как же?

Вместо ответа он приложил обе ладони к губам, вроде рупора, и издал пронзительный протяжный свист. Потом закричал:

— Э-эй!.. Ты!.. Голо-ва!! — и вновь обратился ко мне: — Не слышать. Ветер не в ту сторону. Теперь цельный час пробьешься.

Но не желая покориться слишком скоро своей участи, он еще раз заорал во весь голос:

— Ере-мей!.. Е-ре-мей!.. Ишь, тебя унесло, старый пес!.. Е-ре-ме-й!!

Но последняя нота не вышла. Голос осекся, и ямщик, махнув рукой, покорился.

— Придется ждать, — решил он с неудовольствием.

— Подождем, — ответил я и вышел из тарантаса.

Берег, возле которого мы стояли, был страшно крутой и высокий, точно стена, нависшая над водою, и только там, где пролегала дорога, был пологий спуск вроде выемки.

Я подошел к самому обрыву, глянул вниз — и невольно остановился. Подо мною, внизу, плескалась река, широкая, серая и холодная. За рекой, за далеким степным берегом, закатывалось солнце и его, точно ревнивая стража, шаг за шагом провожали две тучи, зловеще нависая над горизонтом, как будто провожали они солнце не на покой, не до свидания, а в могилу. И солнце угасало не с тихою радостью, не с надеждой, как бывает обыкновенно при закате, а точно с борьбою: тучи нагоняли его, стараясь закрыть, и оно пропадало за ними, но вдруг, словно собравшись с последними силами, ударяло по ним, било наотмашь, разрывало местами их серые лохмотья и брызгало гордо лучами, заливая красным светом, как кровью, и небо, и реку, и землю; но тучи, растрепанные и багровые,

надвигались снова, плотнели, чернели, налезали одна на другую. И заполонили, наконец, собою весь горизонт.

Повеяло холодом...

И ветер, который налетал на меня, желая не то свалить меня в реку, не то по-своему обласкать меня, стал холоднее, и река потемнела, и небо — и от всего, что я видел окрест, повеяло холодом, но не тем, который пронизывает тело: веяло холодом и мраком, ледящими душу; веяло одиночеством, и сиротством.

Широкий песчаный выступ, где я стоял, был испещрен вкривь и вкось глубокими трещинами; виднелись кое-где истлевшие остатки дерева, не то бревен, не то поленьев, а еще подальше возвышалась какая-то развалина, вроде дома или сарая. Ямщик сказал мне, что это была упраздненная церковь, а место, где я стоял, упраздненное кладбище. Каждую весну, когда полая вода высоко подмывает берег, трещины становятся шире, и берег глыбами рушится и падает в реку.

Странное, почти жуткое чувство овладело мною. Все эти люди, зарытые здесь, так же жили, так же страдали, надеясь на лучшее, и, может быть, умерли, не достигнув счастья, но умирая, боролись за каждый последний шаг, за каждый вздох, за каждую секунду жизни, бывшей ярмом и бременем... Или они глядели просто и прямо в лицо неизбежной смерти и покорно сходили в свои могилы, которые теперь рушатся, и прах этих людей разносится далеко по свету...

— Е-ре-ме-й!!.. — раздался снова голос ямщика. — Ере-ме-й!..

И, точно, эхо откликнулось с того берега:

— Э... Э... Эй!..

Это отвечал уже перевозчик.

Я оглянулся на тарантас. Возле него стоял чужой человек и что-то тихо и серьезно говорил ямщику, внушительно указывая на меня искоса большим пальцем. Одет он был по-деревенски, но строгие глаза и сухощавое, немного бледное лицо выдавали в нем не то горожанина, не то бродягу.

— Мало ль вас тут таких-то! — ответил спокойно ямщик и обратился ко мне, но уже горячее: — В попутчики просится. Да там дорога в гору пойдет, и без него тяжело.

— А ты прими, — таинственно и важно убеждал его человек.

— А ну-те совсем! — отмахнулся тот.

— Чай, не сто пудов...

— Да и не перышко!

И ямщик, проворчав что-то еще, влез на козлы и начал осторожно спускаться к реке, к небольшой пристани. Лошади ступали неохотно и неуверенно, точно упирались; колокольчики вздрагивали и тревожно верещали.

Вскоре к помосту подплыла широкая барка, в которую первым шагнул обиженный попутчик, потом вошел я, а за мною ямщик ввел лошадей с тарантасом, и как только ввел и загородил борт, накинулся на плохонького седого старичка, стоявшего посредине барки.

— Помирать тебе, видно, пора, а не перевозом править. Чего горло драть заставляешь? Вишь, седока привез; можно, чай, поспешить.

— Спешу, не спешу, а раньше возможности не успею, — возразил тот, потрясывая бородкой.

— Отчаливай, знай!

— С Богом! — весело крикнул старичок и, выхватив из-за пояса кнут, тяжело и неуклюже побежал вдоль по парому.

— С Богом! С Богом! — повторял он, видимо озабоченный.

И барка, отделившись от берега, медленно и тяжело поползла назад поперек реки.

У барки было два колеса, точно у парохода, но приводились они в движение конною силой: кругом высокого столба бегали две лошади с завязанными глазами, а за лошадьми бегали два мужика с кнутами и подгоняли их, — и колеса вращались, шлепая лопатками по воде, и барка плыла, а старичок все еще хлопотал и весело покрикивал:

— Кружись, милые! Кружись, голубчики! На ночлег скоро, кружись, с Богом!

Вероятно, уставши, Еремей, наконец, замолчал. Он засунул кнут опять за пояс и, оставив лошадей на работника, подошел к моему ямщику и сел около. С минуту он сидел тихо, стараясь отдышаться, и рассеянно поглядывал то на меня, то на попутчика, беззвучно шевеля губами, точно беседуя сам с собою.

Попутчик был, видимо, сердит и всякий раз отворачивался, когда старик взглядывал на него. Ямщик сидел на полу, привалившись к борту и, круто и широко расставив колени, чиркал спичкой, стараясь закурить и загородиться от ветра.

Переведя дух и откашлявшись, Еремей обратился к нему.

— Ох, приятель! И то пора помирать мне. Ты это правду сказал: пора. Все одно ничего не сделать, только Бога больше прогневаешь.

— А ты не гневи, — пуская на ветер клуб дыма, равнодушно ответил ямщик.

— Рад бы не гневить, да коль дело такое: грехи гnevят! А на том-то свете трудно за свои грехи отвечать. Сказано: в поте лица будешь есть хлеб твой, а я что?.. Спросят ангелы: «Хлеб-соль ел на земле?..» Ел... «А откуда брал?» — Зарабатывал. — «Из земли добывал?» — Ан и не добывал из земли. — «Так с кого ж, спросят, брал?..» — Ох, хо-хо!.. Вот тут и подумаешь.

Старик сокрушенно покачал головой и вздохнул.

— И подумаешь, да ничего не придумаешь. Хлеб-соль ел, а Богу ответ давать и сам не знаю, как буду.

Я пристально поглядел в глаза Еремее. Они не бегали, как бывает у людей с нечистою совестью: они спокойно глядели в мои глаза, спокойно и вместе печально, точно ожидали чего-то. И все лицо Еремее не выражало ни тревоги, ни скрытности. Это был невысокий старичок с небольшой головой и небольшой бородкой, седенький, не очень крепкий, но и не ветхий.

— Думаю себе: велика печаль на свете, — вновь заговорил он со вздохом, указывая на крутой берег, от которого мы удалялись. — Вон покойнички как обсыпаятся. Жили, жили, думали здесь место найти вечное, ан вот тебе! Так и мое тоже дело: где свои косточки положу, где свою душу успокою, неведомо. А ответ-то Богу все ж давать надобно.

— Да за что ответ? — любопытствовал я.

— А за хлеб-соль.

— Да ведь ты же работаешь: перевозишь. Что тут дурного?

— Зачем дурное; дурного нет. Да и хорошим назвать нельзя. Потому — какая моя работа? — спрашивал старик, обращаясь уже только ко мне одному. — От кого я сыт, обут, одет, — от кого? От кого моя хлеб-соль?

И начал рассказывать Еремей о тех переселенцах, что тысячными толпами уже много лет тянутся из России на «новые места». Исстрадавшиеся, измученные, обнищавшие, бегут они от лихой нужды, от бескормицы, а он, Еремей, перевоз здесь держит, и с бедняка, с своего же брата, гроши собирает, хлеб-соль ест, за которую перед Богом не знает как отвечать.

— А вон с той стороны, из Сибири, опять народ переходит. Ох-хо-хо!.. Там тоже хлебушко не родился. Скотину порезали, крыши раскрыли, — что ж теперь делать!.. Туда переселенец не лучше нищего, а назад и вовсе голодный бежит. Что я могу поделывать? Иных Христа-ради перевезешь... Это бывает. Да только всех невозможно Христа-ради: идет, идет народу-то, просто счету не хватит...

Еремей снял, шапку, обнажив голову со спутанными серыми, но крепкими волосами, почесал макушку и снова, надвинув шапку на глаза, продолжал:

— Всех Христа-ради никак нельзя... Вон они, лошадки-то, у меня — пить-есть тоже надобно? А работники — пить-есть надобно? Внучата есть после дочери, старуха есть — надо кормить-то? А корма дорогие сделались. Обуть, одеть, напитать надобно?.. Ох-те, грехи, грехи, никак на все и не угодишь. А земля все скудеет... Неурожай пошли...

Неожиданно и громко вмешался в его речь попутчик.

— Истинно сказано в писании: проклята земля! — гаркнул он, засверкав своими огромными глазами. — Со скорбью будешь питаться от нее во все дни; терние и волчцы произрастит она тебе; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю! — закончил он строго, почти грозно и торжественно.

— Вот-вот, — перебивая его, засуетился старик. — А ведь на том-то свете, первое дело, спросят: хлеб-соль ел?.. С кого добывал?.. А я какой могу дать ответ: с голодного, с холодного... Ох-хо-хо!

И Еремей приуныл.

Задумался и ямщик. Должно быть, он думал о голодовке и о земле, которая скудеет, потому что вдруг встал и, тряхнув волосами, выговорил быстро и страстно:

— Ты ее и так, и этак... в поте лица... верно это... а она тебе — терние!.. Как хошь, так и живи, а не хошь, помирай с голоду, даром что в поте лица... верно!

— Теснота завелась в народе, — задумчиво и со вздохом проговорил Еремей.

— Теснота, — тихо согласился ямщик, а попутчик угрюмо добавил:

— От лукавого все.

Наступило опять молчание. Слышно было, как шлепали по реке колеса и бурлила под бортом вода, щелкал иногда кнут да вырывалось бранное слово работника.

— А знаешь, что бы я сделал? — вдруг сказал Еремей, обращаясь ко всем нам. Что бы я сделал, кабы в силе был да место такое знал? А?

И, гордо закинув свою маленькую голову и трясая седой бородкой, ожидал ответа.

Мы молча и вопросительно глядели на него.

— Я бы пришел на весь народ, да и сказал... Вот только места нет такого, чтобы весь народ мое слово услышал... не наш уезд, не твой, не его, а вся Россия, весь народ православный, все до последнего человека!

Он крикнул, точно в самом деле собрался держать речь перед целым народом, но в это время споткнулась лошадь, загромыхали доски, и голос работника нарушил торжественность минуты:

— Гляди, чёрт!..

Старик встрепенулся.

Раздался еще раз окрик:

— Нно! Задумалась!..

Щелкнул кнут, застучали поспешно и громко подковы о дерево и снова все стихло.

Слышались только мерные конские шаги, бурлила опять вода под баркой и мерно отшлепывали колеса лопатками по реке.

Еремей перевел глаза на меня и крикнул еще раз, но уже тихонько.

— Да... — продолжал он, — я бы им и сказал: Братцы! Милые! Давай о душе думать! Давай друг за друга постоим!.. Я бы им свой перевоз и барку, лошадей и все свое выложил и сказал: получи! И крест бы с себя снял: получи!.. Потому — тесно стало на свете, ух, тесно! Не приведи Бог. Места-то много, девать некуда, а теснота. И добра всякого много, а никому не хватает. У иного на двоих, на троих, а он один, и все себе сберегает, ну, и теснота. Все чужое добро-то: что твое, что мое, что Петра, что Ивана — все чужое, все по рукам распихано, а люду православному и нет ничего. Вот и тесно.

Слушатели угрюмо молчали.

Барка плыла среди водного простора; начал моросить мелкий холодный дождик, и оба берега лежали как бы в тумане.

— Это ты зря, Еремей, — подумав, проговорил ямщик. — Отдать — не фигура, а чем будешь жить-то?

— А! — возразил старик. — Не я один, а и все так-то за мной: у кого земляца, у кого что — получи, да получи!.. А я бы, как Минин-Пожарский, первый свое добро на люди: на, мол!.. Только места нет этакое, чтобы все мое слово слышали, как есть все, до единого человека. Сложились бы так-то все, а там в дележ, — вот и не стало бы тесноты на свете.

Он мечтательно и с улыбкой глядел вверх на мутное небо, стряхивал иногда с бороды и лица капли дождя и, видимо, наслаждался своею мыслью.

— У которого сердце изнемогло, душа замутилась, поднялся бы тот человек да сказал: братцы, спасибо!.. А теперь — нет... Теперь слабому не встать, да и сильному только дай Бог на ногах удержаться.

— Так тебя и послушали, — возразил ямщик, угрюмо глядя в сторону.

— А что ж?.. Может и вышло бы хорошо от такого моего слова? А я бы... я бы не пожалел своего добра... я бы... крест последний...

Дождик, усиливался.

Барка между тем приближалась уже к берегу и оттуда доносились чьи-то голоса.

Словно опомнившись, Еремей вдруг вскочил и замахал руками на работников.

— Легче! Эй! Легче! Гляди, как бы борт-от не сшибло. Позадерживай!

Перед нами был снова старик-хлопотун, суетившийся по барке; мечтатель сразу исчез в Еремее, едва приблизился берег.

А на берегу, под дождем, передуваемая ветром, уже стояла группа людей с посохами и котомками, в ожидании переправы.

С какой покорностью, с каким молчаливым терпением дожидались они Еремея!

— Сколько вас душ-то? — деловито и по-хозяйски крикнул им старик, еще не дойдя до пристани.

Те что-то ответили. Потом кто-то спросил:

— А поскольку положишь, добрый человек, с души-то?

Глядя на их ветхие одежды, на суровые истомленные лица, на серое вечернее небо, лившее дождем, и слыша писк и плач ребятишек, захладавших на ветру, я понял, как намучился старик, сбирая с этих людей последние гроши.

Жалость к своему брату и необходимость кормить семью, сомнение в справедливости своей работы и страх ответа перед Богом — все это вместе создало в душе Еремея тоску и смуту и зародило мечту о широком общем благополучии.

Только не хватало «места».

— Уж ты Христа-ради, добрый человек... положи по-божески! — раздалось из толпы.

Еремей лишь качал в ответ головою да сокрушенно причмокивал.

— Ох-хо-хо!.. Ох, грехи, грехи!..

И в этих вздохах чувствовалось ясно, как была для Еремея вкусна его трудовая хлеб-соль.

Вариант 2. Поэтический текст

Прочитайте стихотворение **Константина Фофанова** (1862–1911) и выполните его целостный анализ с опорой на указанные художественные особенности произведения:

- Пещера как центр модели мира и символ души поэта; атрибуты, формирующие двойственность образа, мифологические параллели.

- Основные художественные приемы, которыми оперирует автор стихотворения; с специфика ритмико-синтаксических средств

- Особенности трактовки Константином Фофановым темы поэта и поэзии, связь трактовки и культурно-исторического контекста эпохи.

Таинственный сумрак
В глубокой пещере;
Там гении неба
И хищные звери.

Там веет цветами
Забывшего рая;
Там сырость могилы
И бездна земная.

Там два есть колодца
С кристальной водою:
С премудростью здоровой
И с ложью больною.

Сквозь стены пещеры
Жизнь дико рокошет;
Ворваться не смеет,
Замолкнуть не хочет.

Когда же в ней вспыхнут
Лучами лампады, —
Скрываются в норы
И змеи, и гады.

Пещера сияет,
Как храм величавый,
И небо в ней блещет
Нетленною славой.

Узорами радуг
Свивается плесень
И слышатся звуки
Торжественных песен.

Вам нужно создать графическую иллюстрацию к тексту, который вы анализировали в первом задании. При создании иллюстрации нужно использовать метод «Облако слов».

«Облако слов» – это визуальное представление списка ключевых понятий по какой-либо теме или произведению. Обычно имеет форму графической фигуры: геометрической (овал, круг, квадрат и т.д.) или фантазийной, но узнаваемой (облако, сердечко, звезда). В фигуру вписаны ключевые слова по определенной теме. Наиболее значимые слова выводятся более крупным шрифтом; важные, но менее значимые – более мелким, и так по нисходящей. Слова могут быть выделены разными цветами, стилем шрифта, расположением (например, вертикально по отношению к остальным, горизонтально расположенным). Допускается повторение одного и того же слова несколько раз.

Вам нужно описать созданное вами «Облако слов» с соблюдением следующих условий и объяснением ключевых параметров:

1. Отбор слов и их градация: отобрать не менее 15 значимых слов, объяснить отбор, размер слов и их повторяемость, если есть;
2. Расположение слов по отношению друг к другу: объяснить схему (вверху, внизу, сбоку и пр.) и направление расположения (вертикально, горизонтально, диагонально или иная форма расположения);
3. Цвет, стиль, начертание шрифта выбранных слов: объяснить разницу в цвете и стиле шрифта. Например, сочетание нейтрального печатного и полукруглого или фигурных или вытянутых букв, сочетание начертаний: нейтрального, курсивного, жирного. Или объяснить единство шрифта и стиля, если вы используете единый шрифт в облаке;
4. Форма облака: объяснить выбор той или иной графической формы изображения, объединяющей все слова.

Объем текста свободный. Допускается сопровождение своего описания графической зарисовкой.

Ниже приведены пример «Облака слов» для произведений русской литературы: И.А. Крылов «Басни», А.С. Пушкин «Евгений Онегин», И.С. Тургенев «Ася».

